

БЕРА МЮРКХЕЙН (Таллин)

ВЛИЯНИЕ ЭСТОНСКОГО ЯЗЫКА НА РАЗВИТИЕ ВИДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ГОВОРЕ с. МЕХИКООРМА ЭСТОНСКОЙ ССР

Вопросы взаимодействия различных языковых систем в последние годы все больше привлекают внимание советских лингвистов. В этой связи важное значение имеет изучение процессов, протекающих в языковой системе русских диалектов, контактирующих с родственными и неродственными языками. Как правило, области контактирования захватывают районы позднего распространения русского языка.

В одном из таких районов на территории Эстонской ССР расположено с. Мехикоорма, заселенное русскими и эстонцами более шести веков тому назад. Рано установившиеся тесные экономические и культурно-этнические контакты способствовали развитию двуязычия как в русской, так и в эстонской среде. В настоящее время русское население пользуется эстонским языком (местным диалектом и литературным языком) наравне с традиционным русским во всех сферах общения.

Языковая система говора, оставаясь в основе исконно русской, имеет немало своеобразных черт, развившихся в сложных условиях изолированности от основного массива русского языка и многовекового контактирования с неродственным эстонским языком.

Специфичность грамматического строя говора наиболее ярко проявляется в категории вида. На фоне общих закономерностей развития видовых отношений выделяются факты, свидетельствующие о стирании различий в функционировании совершенного и несовершенного вида. Поскольку эти факты относятся в основном не к архаичным слоям говора и проявляются в таких участках выражения глагольного действия, где имеются наибольшие расхождения между системами русского и эстонского глагола, можно полагать, что их распространение в русском говоре связано с влиянием эстонского языка. Однако в науке распространено мнение о том, что факты ослабления категории вида в результате иноязычного влияния в русском языке довольно редки.¹ Возможно, мы имеем дело с одним из явлений такого порядка.

Фактический материал показывает, что случаи отклонения от нормы в употреблении вида имеют известную закономерность. Так, форма совершенного вида вместо несовершенного выступает при повторяющемся действии: *иной рас и ранышы, ёсли самы лавили так купили, штоп ни вьать* 'иной раз и раньше, когда сами ловили (рыбу), то купили

¹ А. Мазон, Вид в славянских языках (Принципы и проблемы), Москва 1958, стр. 60.

(сети), чтобы не вязать'.² Обстоятельство *иной раз* определяет повторяемость действия главного предложения.³ Способ действия, выраженный синтаксическими средствами, вступает в противоречие с формой совершенного вида глагола *купили*. Нейтрализация видового противопоставления в одной форме в определенных позициях, как известно, может иметь место.⁴ Однако в данном высказывании форма совершенного вида противоречит основному смыслу высказывания.

Отступление от основных закономерностей употребления видовой формы в приведенном случае подчеркивается и тем, что в говоре форма совершенного вида *купить* и второй член видовой корреляции *покупать* могут выступать в соответствии с нормой. Ср. *ані тут дом купіли*, где общезерезультативный способ действия и форма совершенного вида с частным значением единичного конкретного факта, совершенного в прошлом, характеризуют действие, дополняя друг друга. Далее: *хлеб мы пакупáли бсінью ат істóнцэф ілі на рыбу мянjàли* (это происходило ежегодно, так как в рыбацком селе хлеб не сеяли: не было земли). Здесь многоактный способ двух чередующихся действий и неограниченно-кратное значение несовершенного вида, объединяясь в глаголе, создают довольно полную характеристику протекания действия без помощи других средств.

Рассмотрим для сравнения эстонские соответствия двух последних фраз: *Они тут дом купили* — *Nad ostsid siia maja*; *Хлеб мы покупали осенью у эстонцев* — *Meie ostsime leiva igal sügisel* (или *sügiseti*) *eestlaste käest*. В эстонских параллелях глаголы *ostsid* и *ostsime* морфологически противопоставляются только формами лица (как известно, система эстонского глагола не располагает категорией вида). Показателем способа действия в первом случае выступает широкий план контекста, во втором — обстоятельства *igal sügisel* или *sügiseti* 'каждую осень'.⁵ Если в эстонском языке такая «безучастность», или вернее пассивность, глагола к характеру протекания действия закономерна, то в русском диалекте она свидетельствует о патологических явлениях в системе вида.

Возьмем другую коррелятивную пару глаголов *взять/брать*. Материал показывает, что в различных ситуациях чаще употребляется форма совершенного вида *взять*: *ф святки пастáршы дэвушки гадáли, а ни хатéли нас взятъ* 'в святки постарше девушки гадали, а не хотели нас взятъ'; *пáрни выби́рали дэвушку, кáтора харашó работáит, а штоп какú лінтjáйку ни взjáли* 'парни выбирали трудолюбивую девушку, а какую-нибудь лентяйку не взяли'; *я тибjá ни дóлжны́ был взятъ, а пачéмjу́ взjал — ни знаю; мужчjыны хадjли нá зjра и нас взjали с сабóй* 'мужчины ходили на озеро и нас взяли с собой (женщины ходили рыбачить наравне с мужчинами)'; *вот вазьмjти вадj вjдрó и бярjти кáмишjк с кáминки* 'вот возьмите воды ведро и берите камешек с каменки'. В последнем случае употребление обоих членов видовой корреляции не имеет значения противопоставления, так как в ситуационном плане это одно действие, разделенное на два следующих

² При переводе примеров для иллюстративности сохраняются диалектные формы глаголов.

³ Придаточные предложения не анализируются, так как не играют особой роли в характеристике действия главного.

⁴ А. В. Бондарко, Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола. — Ученые записки Института славяноведения XXIII, Москва 1962, стр. 195.

⁵ На способ действия в эстонском языке могут указывать некоторые глагольные суффиксы, но самостоятельно — очень редко, чаще в совокупности с различными синтаксическими средствами.

один за другим акта (в аналогичных случаях выступает один глагол совершенного вида в наглядно-примерном значении). Глагол несовершенного вида *берите* в данном контексте употреблен больше в стилистических целях, как лексический синоним к глаголу *взять*.

Как показывает материал, нейтрализация видового противопоставления в глаголе чаще всего происходит при повторяющемся, многоактном способе действия. На повторяемость ситуации обычно указывают обстоятельства, например: *на кáжнүю зүму рум дроф ей купүли* 'на каждую зиму купили ей кубометр дров'; *вяслом друго́й рас папáла* 'веслом другой раз попало'; *он кáждый вéчыр принéс рýбы* 'он каждый вечер принес рыбы'. Иногда значение повторяемости вытекает из частей синтаксического целого: *эсли бýли уража́и (на яблоки), так прódъли, то на сок, то сибé, то дéти увязлү* 'когда были урожаи, так продали яблоки, то на сок (перерабатывали), то себе, то дети увезли'. Элементы структуры предложения — формы членов придаточного предложения и повторяющийся союз *то* — подчеркивают повторяемость комплекса действий и вступают в противоречие с формой вида.

Чаще всего на характер протекания действия указывает, если можно так сказать, широкий план контекста. Например, действие или цикл действий мыслится как обычай, привычка и тому подобное: *мы садóф ни дяржа́ли, яблэки купүли ат истóнцүф* 'мы садов не разводили, яблоки купили у эстонцев'; *та дéвүшка шчытáльсь лүчыш, котóра тóнки блины́ спяклá* 'та девушка считалась лучшей, которая испекла тонкие блины (умела печь)'; *ф кáдрипяи́ф адивáлись бéла, пéли пад двиря́м нас канéшна фпустүли* 'в екатеринин день одевались в белое, пели за дверями⁶, нас, конечно, впустили'; *прихадүли дамóй пóзна, тагда гуля́шка в нас аткрýлась* 'приходили домой поздно, тогда гулянье (вечеринка) у нас открылось'.

Система эстонского глагола не имеет грамматических показателей для выражения повторяющегося действия. Ср. неизменяемость структуры глагола в эстонских соответствиях: *Igal aastal ostsime* 'Каждый год мы покупали' и *Eile ostsime* 'Вчера мы купили'; *Pühapäeviti külastas ta sõpru* 'По воскресеньям он посещал друзей' и *Täna külastas ta haiget sõpra* 'Сегодня он посетил больного друга'. В эстонском языке на повторяемость действия обычно указывают обстоятельства, элементы структуры предложения или контекст в целом. Аналогичную картину мы наблюдаем и в данном говоре.

В группе глаголов движения также заметно стремление употребить определенный однонаправленный глагол при повторяющемся действии или движении «туда и обратно». Например: *я шшió был малóдым как эхал ф Сóсницы* 'я еще был молодым, когда ездил в Сосницы'; *как учýлся в Линингáди эхал лéтэм дамóй* 'когда учился в Ленинграде, то каждое лето ездил домой'; *кагда́ мы на пéфчыский прáзник эхэли, тэ спициáльна рипиртуáр изучáли* 'когда мы на певческий праздник ездили, то специальный репертуар изучали'; *брат эхэл ф Пирисáр учýтса* 'брат ездил (не один год) в школу на о. Пийрисаар'; *эсли папáшка вóсімь килагрáм муки́ принéс, то был прáзник* 'когда отец приносил 8 кг муки (каждый раз), то был праздник'. На вопрос, ездят ли они в Таллин, следует ответ: *нет мы ф Тáллин ни эдим, мы ф Тáрту эдим, Тáллин дэлякó*.

При статальном и эволютивном способе действия реже выступает форма совершенного вида глагола: *инóй ни мок этэ́ва рабóтэть, ни*

⁶ По эстонским народным обычаям, в екатеринин и мартинов день ходили ряженые, в екатеринин день — одетые в белое.

сумел 'иной не мог эту работу выполнять (класть стены, фундаменты из дикого камня), не сумел' (вместо — умел); *мы играли пели, а кругом нас так и стали* (вместо — стояли) и др.

Известно, что различия в функциях совершенного и несовершенного видов проявляются в употреблении.⁷ Рассмотренный материал показал, что употребление формы совершенного вида вместо своего коррелята стирает различие между их функциями. Употребление глаголов совершенного и несовершенного вида при параллельно или последовательно протекающих действиях в границах одного синтаксического целого особенно подчеркивает тот факт, что различие видовых функций не ощущается говорящими. Ср.: *я пѣ таблицы фсягдѣ зделѣла самѣ: и вязлѣ, и згубила, и шибѣла* 'я по таблице всегда сделала сама (вязала рыболовные сети): и вязала, и сгубила (спускала петли при вязаньи), и сшила'; *ф кадрили фсе становились длнна, адн фпротиф другова, адн паттянулись, други выхадили, скора и ѣты ушли* 'в кадрили все становились в ряд один против другого: одни подтянулись (выходили на середину), другие выходили, затем и эти ушли'.

Обращает на себя внимание тот факт, что нейтрализация видового противопоставления происходит преимущественно в форме совершенного вида. Это явление отражает определенную закономерность в системе вида русского глагола. В паре видовой корреляции глагол несовершенного вида является немаркированным слабым членом. Глагол же совершенного вида как маркированный член характеризуется определенным семантическим признаком.⁸

Несколько слов о приставочных глаголах. Как известно, приставка присоединяясь к простому или суффиксальному глаголу несовершенного вида «изменяет как его лексическое значение, так и его переходность и вид».⁹ При этом изменение вида является побочным следствием префиксации.¹⁰ Одно из своеобразий рассматриваемого говора заключается в том, что в приставочных глаголах частное значение совершенного вида вступает в противоречие со значением способа действия и вид перестает характеризовать протекание глагольного действия. Ср. *атѣц каждый вѣчир практиралирѣвал как рѣбота зделѣна* 'отец каждый вечер проконтролировал, как сделана работа'. Приставка *про-*, придав глаголу значение полного охвата действия, образовала глагол совершенного вида с конкретно-фактическим частным значением. Многоактный способ действия, имеющий выражение как в основе глагола — суффикс *-рова-*, так и в лексическом показателе *каждый вечер*, видимо, препятствует функционированию совершенного вида. Употребление приставочных глаголов совершенного вида в подобных случаях мотивировано лексическим значением приставки без учета видовой соотносительности. Например: *анѣ фсю жизнь маглѣ холѣт и стѣжу пиринести* 'она всю жизнь могла холод и стужу перенести'; *супритки*

⁷ Э. Кошмидер, Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза. — Вопросы глагольного вида, Москва 1962, стр. 126—127.

⁸ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология II, Братислава 1960, стр. 132—134; его же, О грамматическом значении. — ВЯ 1961, № 1, стр. 31; Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. — Вопросы грамматики болгарского литературного языка, Москва 1959, стр. 309.

⁹ С. Карцевский, Система русского глагола. — Вопросы глагольного вида, Москва 1962, стр. 222.

¹⁰ А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Русский глагол, Ленинград 1967, стр. 41.

*каждый день с другом назначили 'супретки'*¹¹ каждый день к другому назначили'; *раньше люди выстроились только на песке: барин не давал земли; иной не сумел зтэва работэть* 'иной не сумел (= не мог) это делать'; *я никагда ни спяклá тонки блины* 'я никогда не испекла тонкие блины'.

Основой аналогичных фактов едва ли является конкуренция видов, при которой замена одного вида другим не влияет на основной смысл высказывания.¹² В рассмотренных случаях форма вида противоречит основному смыслу высказывания и, с другой стороны, говорящие не чувствуют различия между значениями глаголов совершенного и несовершенного вида. По всей вероятности, мы имеем дело с фактами стирания видовых различий в речи носителей говора.

К особенностям говора относятся также случаи отклонения от общих закономерностей в употреблении форм глаголов настоящего и простого будущего времени, или будущего совершенного. Как известно, во временном плане реализуется видовое противопоставление.¹³ В данном говоре встречаются случаи стирания видовых различий как в настоящем реальном, так и в настоящем-будущем времени. Например: *платити такую цэну раньше ни прэдаём* 'платите такую цену, иначе не продаем (вместо продадим)'; *она вэдэть вас в лес, ей вре́мя есть* 'она ведет (вместо сведет) вас в лес, у нее время есть'; *придут рабоччи парэжут дрóвы и складáют ф стóпчыку* 'придут рабочие, порежут (= распилят) дрова и складывают (вместо сложат) в ряд'; *бúдушэый вясной каждый дичок даёт три атрóска* 'будущей весной каждый дичок дает (вместо даст) три отростка'; *скóра рэзряшáют лавить, запрётнэя вре́мя в áвгусте кончытса* 'скоро разрешают (вместо разрешат) ловить, запретный сезон в августе кончится'. Здесь мы видим употребление глаголов несовершенного вида в настоящем-будущем времени, хотя синтаксическая позиция предполагает совершенный вид и действие мыслится как неделимое целое.

Обратный процесс, т. е. употребление глаголов совершенного вида в настоящем-реальном времени, также имеет место в говоре. Например: *на зымэм на рипитыци жэнишыньф-та мно́га сабирэ́тса* 'по зимам на репетиции соберется (вместо собирается) много женщин'; *фээта к ко́льэм привязывэют и пастáвют ристиц в óзира* 'все это привязывают к кольям и поставят (вместо ставят) ристиц в озеро'; *она жэнишыну как мушы́ну ска́жыт — муськóй рот* 'она о женщине скажет (вместо говорит), как о мужчинах, в мужском роде'; *назат-та мне фсягáдá па-истóньски ска́жет* 'в ответ мне всегда по-эстонски скажет (вместо говорит)'; *тапéрь другóй рас вазьму вóтки* 'теперь иногда возьму (вместо беру = выпиваю) водки'; *мяня́ каждый гот уж в апрэли увядúт к истóнцам* 'меня каждый год уже в апреле уведут (вместо уведят) к эстонцам'.

В каждом из приведенных примеров действие повторяется. Многоактному способу действия больше соответствовал бы несовершенный вид с неограниченно-кратным частным значением. Временной план также не обуславливает употребление совершенного вида. Наличие

¹¹ Супретки — посиделки, на которые каждый из молодежи приходит со своей работой и где парни выбирают себе невесту (В. Даль, Толковый словарь IV, Москва 1955, стр. 362).

¹² А. В. Бондарко, Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола, стр. 199; А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, указ. раб., стр. 60—61.

¹³ А. В. Бондарко, Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола, стр. 184.

форм совершенного вида при данных обстоятельствах может говорить лишь о том, что характер протекания действия не находит выражения в грамматической оппозиции. В аспектологии известно, что мы имеем дело с глагольным видом в том случае, когда характер протекания действия находит выражение в грамматической оппозиции.¹⁴ Если же этого нет, то можно полагать, что мы имеем какие-то отклонения в категории вида. Чем же они вызваны? По всей вероятности, одна из причин — влияние эстонского языка, система глагола которого не имеет морфологических средств для различения настоящего и будущего времени. Сравним эстонские соответствия: *Makske see hind, siis müüme* 'Платите эту цену, тогда продадим'. Форма *müüme* употребляется в значении 'продадим' и 'продаем'. Временные различия конкретизируются в контексте. Далее: *Ta viib teid metsa* 'Она ведет/сведет вас в лес'. На действие в будущем указывают обстоятельства *täna* 'сегодня', *homne* 'завтра', *tunni aja pärast* 'через час' и т. д.

Нарушение нормы в употреблении видов отмечено у носителей говора различных возрастов и разного культурного уровня. В речи лиц старшего поколения, живших некоторое время в материковой России, отклонений от нормы в употреблении вида почти не обнаруживается.

Языковая система в целом развивается в говоре по внутренним законам русского языка. Мы не имеем возможности проследить предшествующие этапы, поэтому можем только предполагать, что условия изолированности говора могли способствовать сохранению реликтовых явлений, в том числе и в категории вида. Например, слабое развитие грамматических значений в глагольных приставках. Известная неразвитость отдельных элементов грамматического выражения видовых различий была поддержана системой глагола эстонского языка. Таким образом, в условиях интенсивного языкового контактирования средства, характеризующие протекание глагольного действия в русском говоре, стали уподобляться средствам эстонского языка. В настоящее время мы имеем дело, по всей вероятности, с начальным этапом этого процесса, так как основная масса носителей говора употребляет в своей речи видовые формы глагола в соответствии с нормой русского языка. Факты ослабления, или «анемии»¹⁵, категории вида в отдельных славянских языках и диалектах под влиянием неродственных языков не раз служили объектом наблюдений ряда ученых.¹⁶

VEERA MÜRKHEIN (Tallinn)

THE INFLUENCE OF THE ESTONIAN LANGUAGE ON THE DEVELOPMENT OF THE CATEGORY OF ASPECT IN THE RUSSIAN DIALECT SPOKEN IN THE VILLAGE OF MEHIKOORMA IN THE ESTONIAN S.S.R.

It is an accepted view that there are only some rare cases of weakening of the category of aspect in the Russian language under the influence of a non-related language. While studying the Russian dialect as spoken in the south-eastern part of the Estonian S.S.R., the Russian-speaking population of which also knows Estonian, some

¹⁴ А. В. Бондарко, К проблеме функционально-семантических категорий. — ВЯ, № 2, 1967, стр. 21.

¹⁵ Термин А. Мазона (Вид в славянских языках, Москва 1958, стр. 60).

¹⁶ Л. В. Щерба, Восточнолужицкое наречие, Прага 1915, стр. 122; R. Perušek, O rabi dovršnih in nedovršnih glagolov v novi Slovenščini. — Jahresbericht d. K. K. I. Staatsgymnasiums zu Leibach 1910, стр. 3—26 и др.

